

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский филиал
Института востоковедения

ИСЛАМ

**на территории
бывшей
Российской
империи**

Энциклопедический
словарь

Выпуск 1

Москва
Издательская фирма «Восточная литература» РАН
1998

ди», в 1915 г. — на книгу «Религиозные и общественные проблемы»), а *муллы*-фанатики развернули кампанию по дискредитации и моральному давлению на передового мыслителя. Октябрьская революция круто повернула жизнь Ф. Р. Оставшись после закрытия в начале 1918 г. журнала Шура без средств к существованию, он вынужден был согласиться повторно занять должность заседателя Духовного собрания и вернуться в Уфу. После смерти *муфтия* Галимджана Баруди он в конце 1921 г. стал исполнять его обязанности. В 1923 г. Ф. Р. официально был избран председателем (*муфтием*) Центрального духовного управления мусульман Внутренней России и Сибири (правопреемника Оренбургского магометанского духовного собрания), в дальнейшем неоднократно переизбирался на этот высший пост в мусульманской духовной иерархии. В условиях идеологического и морального давления атеистического государства, материальных лишений и политических репрессий Ф. Р. как *муфтий* много сделал для сохранения мусульманских культурных традиций и ценностей, а также практики ислама в СССР. В 1926 г. он возглавлял делегацию советских мусульман на первом Всемирном конгрессе мусульман в Саудовской Аравии. Не прекращалась и научная его деятельность. В 20–30-е гг. он привел в порядок свой богатейший архив (сейчас основная его часть хранится в Научном архиве Уфимского научного центра РАН — ф. 7, а другая часть — в Научном архиве Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН — ф. 131), написал ряд исторических и богословских трудов, которые, однако, остались неопубликованными. В последние годы творчества под влиянием жизненных невзгод, полного торжества крайне радикальных идей в стране в сочинениях ученого все больше стали проявляться пессимистические нотки, преувеличение «спасительной» роли ислама в общественной жизни, идеализация Востока и противопоставление его Западу, отрицание культурного диалога между мусульманами и представителями других конфессий. Тем не менее его научный авторитет оставался по-прежнему высоким, свидетельством чего служит, в частности, приглашение Президиума АН СССР в 1925 г. Ф. Р. участвовать в качестве почетного гостя в юбилейных торжествах, посвященных 200-летию Академии наук страны.

Ф. Р. похоронен на мусульманском кладбище г. Уфы.

Лит-ра: *Валидов*. Очерк, 109–112, [182–184]; *М. А. Усманов*. Противоречивый представитель сложной эпохи // Казань утлары. Казань, 1984, № 1, 142–157 (на татар.яз.); *Р. А. Утябаев*. В его трудах — дух народа // Агидель. Уфа, 1984, № 1, 114–121 (на башк.яз.); Творчество Ризы Фахретдинова: Исследования, материалы. Уфа, 1988; *Ф. Н. Баишев*. Общественно-политические и нравственно-этические взгляды Ризы Фахретдинова. Уфа, 1996; *Г. Б. Хусанов*. Ризаэтдин бин Фахретдин: Исто-

рико-биографическая книга. Уфа, 1997 (на башк.яз.); *Mahmud Tahir*. Risaeddin Fahreddin // Central Asian Survey. 1989. Pergamon Press. Vol. 8, N 1, 111–115; *Rorlich Azade-Ayshe*. The Volga Tatars: A Profile in National Resilience. Stanford, 1986, 53–55.

М. Ф.

Фитрат (псевд. 'Абд ар-Ра'уфа Рахим-оглы, 1886–1938) — мусульманский просветитель, публицист, общественно-политический деятель, один из крупнейших теоретиков бухарского джадидизма. Родился в Бухаре в семье торговца и путешественника, хорошо знавшего Турцию, Персию и Кашгар. Начальное образование получил в квартальной школе (*мактаб*), продолжил — в знаменитой бухарской *мадраса* Мир-и 'Араб. Совершив паломничество в Мекку (1904 г.), Ф. вернулся в Бухару, где к этому времени появились новометодные школы, и участвовал в создании тайных обществ в поддержку образовательной реформы. Он оказался среди первых бухарских студентов, направленных на учебу в Стамбульский университет, который он посещал до 1913 г. В младотурецком движении Ф. нашел вдохновение для своих новаторских прозаических и поэтических трудов, опубликованных на персидском языке там же, в Стамбуле, в 1910–1912 гг. В них он призывал своих соотечественников к этической революции и общественной модернизации, что позволит им взять в свои руки судьбу своей родины. Вернувшись в Бухару (1913 г.), Ф. стал примером подражания для просвещенной молодежи и одним из лидеров тайной организации младобухарцев, содействовал распространению новометодных школ в Бухарском *эмирате*. Он участвовал также в зарождении туркистанского театра (1914 г.), сам играл роли в драмах 'Абдаллаха Аулани (1878–1934) и Махмуд-х'аджа Бихуди (1875–1919), посвященных мусульманам, павшим в первой мировой войне в рядах российской армии.

Только после февральской революции в России организация младобухарцев превратилась в политическую партию, секретарем которой стал Ф. Именно под давлением младобухарцев (и российского политического агентства в Бухаре) бухарский *эмир* 'Алим-хан обнародовал в апреле 1917 г. Манифест, в котором он гарантировал основные свободы и обещал скорое установление конституционного правления. Однако подстрекаемый российскими дипломатами, *эмир* повел атаку на младобухарцев, вынудив Ф. и его единомышленников искать убежище в Ташкенте. Вслед за провозглашением Туркистанской автономии в Коканде (ноябрь 1917 г.) младобухарцы под руководством Ф. готовились к установлению своей власти в Бухаре при поддержке Ф. И. Колесова — председателя ташкентского правительства большевиков и эсеров. Поражение Ф. И. Колесова в марте 1918 г. повлекло за собой преследование джадидистов на всей терри-

тории Бухарского эмирата. Часть из них спаслась бегством, другие участвовали в создании Бухарской компартии, в которую в 1919 г. вступил и сам Ф.

Находясь в Ташкенте, Ф. активно сотрудничал с дипломатическим представительством Афганистана, официальным переводчиком которого он был в течение двух лет. С конца XIX в. бухарская и туркистанская интеллигенция имела тесные отношения с афганскими просвещенными кругами, оказавшимися у власти в Кабуле в правление короля Аманаллаха (1919—1929). В условиях относительной политической открытости Ф. сумел официально основать в Ташкенте (зимой 1918-19 г.) культурное общество Чигагай гурунги («Чагатайские беседы»), которое, по существу, проводило политику джадидистов по формированию у туркистанцев современного национального самосознания. Под влиянием реформы письма в Турции Ф. предложил в своем новом журнале Танг («Заря», основанном в апреле 1920 г., модернизацию среднеазиатского тюркского языка (*турки тили*) через возвращение к чагатайскому языку и туркистанским наречиям. В то же время под предлогом описания антиколониальной борьбы в Британской Индии Ф. призывал своих соотечественников продолжать модернизацию системы образования по западноевропейской модели и резко критиковал политику Москвы в Средней Азии.

После бомбардировки Бухары М. Фрунзе и образования в ней большевистского правительства Ф. вернулся в свой город. Войдя в правительство (в конце 1920 г.), он в течение двух с половиной лет был главным идеологом Бухарской Народной Советской Республики. Как народный комиссар просвещения, он успел создать несколько современных просветительских учреждений и начать реализацию широкой программы по написанию современной истории бывшего Бухарского эмирата. Однако скоро пришел конец иллюзиям: в июне 1923 г. по решению Политбюро пять членов бухарского правительства, в том числе и Ф., были смещены и сосланы.

В 1924 г. Ф. успел опубликовать историческую драму Абу-л-Файз-хан, в которой метафорически изобличал циничное подчинение некоторых правителей Средней Азии XVIII в. завоевателю — иранскому шаху Надиру.

После возвращения в Среднюю Азию Ф. преподавал (с 1927 г.) в Самаркандском высшем педагогическом институте, написал труды по истории литературы и филологии, в которых искал пути возрождения узбекской и таджикской культур через оживление тюркской и персидской литературы Средней Азии. Научные труды Ф. оказали огромное влияние на развитие современных среднеазиатских литератур, особенно в Узбекистане и Таджикистане. В то же время в официальной узбекской печати его постоянно «разоблачали» за «буржуазно-националистические тенденции»

и за «идеализацию прошлого». Он еще успел опубликовать с Чулпаном узбекский перевод «Тысячи и одной ночи» (1935 г.), но в апреле 1937 г. был арестован, и следы его затерялись в ГУЛАГе.

Лит-ра: Э. Каримов. Фитрат хаёти ва ижоди хакида // Узбек тили ва адабиёти. Ташкент, 1990, № 3, 26—29 (на узб. яз.); Косимов. Маслакдошлар, 69—156 (на узб. яз.); И. Ганиев. Фитратшунослик. Бухара, 1995 (на узб. яз.); S. A. Dudoignon. La question scolaire à Boukhara et au Turkestan russe, du premier renouveau à la soviétisation (fin du XVIIIe siècle — 1937) // Le réformisme musulman en Asie Centrale, du premier renouveau à la soviétisation (1788—1937), dir. S. A. Dudoignon. P., 1996, 133—210.

С. Д.

ал-Фукча'и, Йусуф б. Ахмад Абу-л-Касим ад-Дарбанди

(ум. в сер. XI в.) — наиболее влиятельный и почитаемый в Баб ал-абвабе (Дербенте) суфийский *шайх* и аскет (*захид*), духовный предводитель суфиев, знаток шафи'итского права, наставник многих дербентских *факихов* и суфиев. Ал-Ф. — основатель суфийской обители (*завийа*) на окраине Дербента, недалеко от цитадели сасанидской крепости и местечка Кырхляр — места погребения 40 мучеников за веру. Многие *муриды* после обучения в этой обители оставались жить в Дербенте в общине своего *шайха* (в частности, Ибн аз-Занджани, Абу-л-Хасан ал-Джурджани и др.).

Много времени ал-Ф. проводил в «исламских центрах» (*ал-маракиз ал-исламийа*) — арабских пограничных поселениях в окрестностях Дербента. В частности, в Хумайдийи (совр. Гемейди) он обучал шафи'итскому праву слепого подвижника Мунаббиха ал-Хумайди. О степени известности ал-Ф. за пределами Дербента свидетельствует, в частности, тот факт, что имя этого праведного старца было хорошо знакомо *шайхам* Табаристана. Суфий-аш'арит Абу-л-Аббас Ахмад б. Мухаммад ал-Асадабади (ум. ок. 1096 г.), в свое время обучавшийся в дербентской *завийи*, советовал ученым Табаристана отправиться в Баб ал-абваб выразить свое почтение *шайху*, *факиху* и аскету Абу-л-Касиму ал-Фукча'и.

Ал-Ф. умер и похоронен в Дербенте на Северном кладбище рядом с цитаделью. В 1928 г. надгробие с его могилой обнаружил Е. А. Пахомов. Дата смерти на нем, к сожалению, не сохранилась. Арабский текст эпитафии памятника, изданный Л. И. Лавровым, был прочитан исследователями неточно, а личность погребенного тогда не была установлена.

Лит-ра: ад-Дарбанди. Райхан, 1926; Лавров. Эпиграфические памятники, 69.

А. А.

ал-Хаджж (араб., «паломничество») из России — одна из главных манифестаций принадлежности к мусульманской общине и один из важнейших элементов взаимоотношений Российского государства и общины